

*Район ЧАЭС. Подземная лаборатория под рекой
Припять. За неделю до основных событий.*

Пожилой ученый, профессор Речицкий Дмитрий Сергеевич, скрестив на груди руки, оперся о стену, выложенную белым кафелем, и с интересом наблюдал через прочное стекло автоклава уже начавшиеся метаморфозы в мощном теле воина.

— Павлик, подключи ему дыхательную маску. Наш боец, увы, не человек-амфибия. А захлебнуться такой удаче я не позволю. Кстати, насчет нахождения под водой можно будет потом подумать, как считаешь?

— Вы правы, профессор. Совершенствовать изобретение — значит повышать мастерство, — подобо-бострастно кивнул ассистент профессора. Речицкий одобрительно хмыкнул и окинул взглядом длинную, немного нескладную фигуру своего ученика — из парня определенно выйдет толк. А молодой ученый уже колдовал над одной из панелей, расположенной на длинной дуге возле автоклава, его пальцы шустро бегали по кнопкам. Внутри капсулы открылась маленькая стеклянная пазуха, оттуда выплыла большая прозрачная маска и, управляемая дистанционно,

плавно, словно медуза, переместилась в жидкости, накрыла рот и нос подопытного.

— Молодец! — Профессор был доволен. — Ну все, пока больше здесь делать нечего. Пойдем, Павлик, у нас еще много дел. А нашего подопытного мы навестим через пару дней. Думаю, этого времени будет достаточно.

Он сделал приглашающий жест рукой, и оба ученых вышли из лаборатории, где в подключенной к мудреной аппаратуре стеклянной капсуле продолжался уникальный, но жуткий по своей природе эксперимент.

Речицкий лишь на секунду обернулся; узкая полоска света из коридора прорезала тьму, упала на стекло автоклава, блик полыхнул, будто реальное пламя, — и ученый невольно дернулся. За эти короткие мгновения он вспомнил неудавшийся эксперимент, когда пересадил маленькую «топку» в черепную коробку предыдущего кандидата в универсальные убийцы. Почти сразу после операции раздалось гудение, словно внутри пациента заработал высоковольтный трансформатор, а затем он обуглился прямо вместе с хирургическим столом. Во избежание подобных эксцессов теперь Речицкий действовал осторожнее и никакую аномалию никому вживлять больше не решался. Сейчас его целью было сращивание мозга человека и уникального артефакта.

«Горгона»...

Однажды совсем зеленый ассистент (к счастью, не Павел, другой) во время научной вылазки в район Сгоревшего хутора заметил переливающийся необычным зеленым светом камень. В Зоне ко всему незнакомому стоит относиться с большой осторожностью, даже если ты надежно упакован в спецкостюм, обеспечивающий несколько степеней защиты. Но в тот раз научный интерес пересилил инстинкт самосохранения: парень присел на корточки, внимательно оглядел находку и прикоснулся рукой в пухлой перчатке к чудо-камню. Да так и остался в этой позе, превратившись в каменную фигуру с протянутой рукой и застывшим выражением удивления на лице.

Сердце Речицкого, увидевшего, что произошло с учеником, ухнуло куда-то вниз, по спине пробежал неприятный холодок. Как ученый он не обладал естественным для обычных людей чувством страха перед неизвестным, наоборот — неизведанное его привлекало, однако за время работы в Зоне он привык относиться к аномальным предметам с уважением. Дмитрий Сергеевич медленно приблизился к окаменевшей фигуре, присел рядом и осторожно подцепил камень большим контейнером, который тут же стал втрое тяжелей, потому что повторил судьбу молодого ученого — попросту окаменел. И никакие экранирующие стенки не помогли.

Много времени для оценки свойств «горгоны» не понадобилось: живое и неживое, все, что прикасалось к артефакту и оказывало минимальное давление на его

поверхность, моментально превращалось в холодный камень. А вот чтобы нейтрализовать такое воздействие, Речицкий провел не одну бессонную ночь. Несколько месяцев он ломал голову, подступался к задаче так и эдак и все же нашел подход к камню — синтезировал специальный раствор, обработав которым, например, руки, можно было спокойно брать смертельный артефакт, как самый обычный придорожный камень. Однако здесь были два больших «но»: раствор действовал всего несколько часов, к тому же клонировать «горгону», чтобы использовать дубликат для экспериментов, ученому не удалось. Речицкий был рад и обескуражен одновременно: рад, что хоть на пару часов, но таки сумел обуздать силу камня, а расстроен из-за невозможности растиражировать единственный в своем роде артефакт.

А потом его посетила идея: почему бы не вживить его человеку, и тогда на выходе (разумеется, при благоприятном стечении обстоятельств) — солдат, обладающий редчайшими свойствами «горгоны».

...Профессор на миг зажмурился, мотнул головой, и, списав все на тяжелый день, захлопнул дверь лаборатории.

* * *

Спустя двое суток оба ученых вновь стояли возле автоклава. В помещении царил полумрак, лишь две неяркие хромированные лампы на стенах освещали большую прозрачную капсулу. Речицкий прищурился, затем его глаза расширились. То, что находилось сейчас за стеклом, уже мало напоминало человека. Тело бывшего бойца спецназа полностью покрывала толстая, корявая, щербатая корка землисто-коричневого цвета, отчего он казался стволом побитого грозой кряжистого дерева. Руки и ноги были трехпалыми и заканчивались длиннющими когтями. Сами конечности стали втрое больше, чем у обычных людей. Голова также значительно увеличилась в размерах, стала неровной, бугристой. Полностью выпали волосы. Но самым жутким в этом монстре были глаза: из-под воды на изобретателей глядели два черных, как угли, подернутых мутной пленкой нароста. Проняло даже профессора — Дмитрий Сергеевич заметно вздрогнул и на секунду отвел взгляд, но тут же, не желая терять лицо перед молодым ассистентом, взял себя в руки. Более того, сделал несколько фотографий для отчета.

— Ну что, мой юный коллега, похоже, наш опыт все-таки удался, правда, оказался с неожиданным побочным эффектом. Внешность у пациента просто жуткая, хотя, по идее, он должен был остаться с виду человеком. По всей видимости, артефакт запустил в организме необратимые процессы, какими славится Зона... Я даже не могу сказать с уверенностью, чья креатура сейчас перед нами, кто внес в трансформацию больший вклад — мы, когда ввели в организм подопытного «горгону» вкупе с препаратами и прочей начинкой, или сама аномальная Зона, которая использовала нас, будто удобный инструмент... И все же, все же... Мы сделали это, поздравляю! — Профессор протянул руку молодому коллеге. Тот пылко пожал ее в ответ. Ладонь ученика была холодной и влажной — Павел волновался не на шутку.

— Что теперь, Дмитрий Сергеевич? Откачивать жидкость?

— Погоди, Паша, вечно ты торопишься! — поморщился Речицкий, подходя ближе к новоявленному монстру. — Сначала надо продиагностировать, все ли в организме функционирует, и функционирует именно так, как требуется. Кроме того, стоит поостеречься, если что-то пойдет... не по плану. — Ученый вытащил из кармана халата маленькую черную коробочку с двумя разноцветными рычажками: красный блокировал рецепторы и обездвиживал пациента, а зеленый, соответственно, наоборот. — Следует дер-

жать его реакции под контролем. Ведь если наш солдат взбунтуется, ни мы, ни охрана — никто с ним не справится. — Представив себе возможное буйство такого монстра, ученый нервно дернул бровями. — А приглашать в лабораторию заказчика с целой армией я не намерен. Это преждевременно.

Профессор наклонился над автоклавом. Огромные глаза-наросты тут же шевельнулись. Моргать монстр не мог, но внутри этих огромных наростов, казалось, что-то жило, непроглядная черная поверхность гипнотизировала и понижывала до глубины души.

— Превосходно! — Профессор оттолкнулся ладонями от прохладного стекла автоклава и подошел к панели, внимательно изучил данные на присоединенных к ней мониторах, перещелкнул несколько тумблеров, нажал пару кнопок, задумчиво постучал ногтем по бегущим неровным линиям на основном дисплее. — Телеметрия в норме. Биохимия, сканирование тканей, торсионное поле, нейронная активность... Частота его мозговых импульсов неотделима от энергии, испускаемой артефактом... Артефакт прижился в мозгу человека, более того — за два дня он с ним прочно сросся... и при этом не превратил лобные доли в камень! Невероятно, но факт.

Ассистент сжал кулак и оттопырил большой палец. В такой день профессор не стал одергивать парня и даже повторил его жест.

— Ну что ж... Давай выпускать нашего универсального солдата. Если компьютер меня не обманыв-

вает, подопытный сейчас должен в полной мере владеть свойствами вживленного ему артефакта.

Павел, заметно нервничая, посмотрел на своего наставника и, когда тот кивнул, подрагивающими пальцами нажал круглую кнопку на приборе, расположенном на длинной дуге, присоединенной к автоклаву. От волнения пластик кнопки показался ему невероятно жестким. Павел вдавил ее до упора, хотя столько усилий и не требовалось. Тут же из капсулы началась откачка синей жидкости; за двое суток она отдала свой реагент лежавшему внутри бойцу и теперь больше напоминала по цвету едва голубоватую воду.

Коллеги переместились в соседний изолированный бокс и наблюдали дальнейшее из-за толстого стекла. Когда голубой жидкости внутри капсулы не осталось, крышка плавно поехала вверх, а монстр вдруг дернулся, словно от электрического разряда. Несмотря на разделявшую их стену, пусть и стеклянную, ученые попятились. Рука Речицкого замерла над красным рычажком пульта.

Чудовище резко село, повернуло шишковатую голову в сторону двух людей, в напряжении замерших в соседнем боксе. Затем огромными кистями когтистых трехпалых рук-лап оно ухватило за края автоклава. Те, не выдержав чудовищного давления, треснули, послышался хруст. Монстр подтянулся и легко для своего далеко не маленького веса перемахнул через

стенку капсулы на белые мраморные плиты пола. Раздался приглушенный стук, как будто на землю упало здоровое бревно. А на месте капсулы, в которой только что лежал монстр, остался камень. Жуткие глаза-наросты встретились с глазами профессора.

— Все хорошо, мы свои, — примирительно выставил руку ладонью вперед ученый. В другой он сжимал пульт. — Ты слышишь меня?

— Слыш-шу, — ответил бывший солдат, его голос был шипяще-скрипучим и шел будто изнутри, ороговевшая кожа на лице мешала мимике и четкой речи, поэтому слова давались ему с трудом. Монстр схватился за голову. — Где я? Кто вы?

— Мы свои, — вновь повторил Речицкий, — не бойся. Мы ученые. Ты — наш солдат. Послушай...

— Я не помню, не знаю... — Огромными лапами солдат ощупывал себя. — Кто я?! — неожиданно почти на ультразвуке взвыл бывший спецназовец, и с полуразворота ребром огромной трехпалой кисти разнес автоклав, каменная крошка с грохотом обрушилась на пол, поднялось облако пыли.

Забыв про опасность, профессор схватил за плечи ученика:

— Работает, работает!!!

— Осторожно! — завопил вдруг ассистент, толкнул профессора, и оба брякнулись на пол, больно ударившись о мрамор. Над их головами, пробив защитное стекло, пролетел большой каменным стол, еще

секунду назад бывший легким пластиком. Он вдребезги разлетелся о стену, осыпав ученых осколками и пылью. Чудовище в ярости крушило все, что попало под руку: хуком справа был сбит шкаф, ударом ноги с разворота еще один автоклав, затем их судьбу разделили баснословно дорогие аппараты и мониторы. Зал заполнялся каменными обломками и плотной завесой пыли. Ученые поползли в сторону двери. Речицкий успел метнуться и подобрать выпавший из руки пульт, до отказа повернул красный рычажок. Разрушитель на мгновение замер, по «деревянной» коже словно пошла вибрация, а затем его тело прошила нечеловеческая боль, и монстр в судорогах свалился на пол, не в силах шевельнуться.

— Вот так, — сказал ученый, утирая со лба грязь от смешавшегося с пылью пота, и похлопал ладонью по маленькой коробочке пульта. — Я же говорил, подстраховка не помешает.

— Да уж, это точно. — С пола, стяхивая с помятого халата каменную крошку, поднялся Павел.

— Первый контакт прошел на троечку, — резюмировал Дмитрий Сергеевич, вплотную подходя к поверженному монстру. Тот лежал без движения, естественно вывернув корпус; наводящие ужас глаза слепо уставились в потолок. Профессор вдруг уловил еле ощутимый запах, словно от сырого прелого камня, пролежавшего в земле несколько часов после обильного дождя, и понял, что он исходит от валявшегося

возле его ног огромного существа, некогда бывшего человеком. Видимо, еще один побочный эффект, отметил про себя ученый, а вслух продолжил: — В целом я доволен: орудие создано, остались корректировки, но с этим, я думаю, мы справимся. Однако он слишком уж рефлексировал. Почему? — Ученый озадаченно нахмурился, похлопав пультом по ладони другой руки. — Не понимаю, надо будет с этим разобраться.

Ассистент подошел к профессору. Тот повернул голову, а затем качнул ею в сторону скрючившегося на полу мутанта:

— Пусть полежит пока здесь. Позови охрану, пусть свяжут его. Мне хотелось бы пообщаться с этим субъектом, что весьма проблематично, если он находится под воздействием блокиратора. Но если он будет связан по рукам и ногам... В десятом отсеке в шкафу лежит зайлон — самое то, чтобы успокоить подобную мощь. Вряд ли он его разорвет, даже если очень постарается.

Павел вытащил из кармана портативную рацию. Однако охрана, пять бойцов, находящихся в здании, сама заподозрила неладное, едва услышала шум. Из коридора уже доносился тяжелый топот армейских ботинок. Единственные, кто не шелохнулся, так это дежурившие на входах в тоннели часовые: у них задача была иная. Ворвавшись в разгромленную лабораторию, бойцы даже виду не показали, будто впе-